

Крещение Руси: к 1025-летию принятия восточного христианства на Руси

Принятие в 988 г. восточного христианства в качестве государственной религии Киевской Руси явилось переломным моментом в истории и культуре Государства Российского, ведущего отсчет от 862 г. На основе культурологического анализа исторических источников становится особенно наглядной первоначальный период перехода от язычества к православию.

Ключевые слова: Русская земля, Византия, Владимир Креститель Руси, новый тип русской государственности

Yuriy A. Pompeev

Christening of Russia: the 1025th anniversary of the adoption of Eastern Christianity in Russia

The adoption of Eastern Christianity in the year 988 as the state religion of Kiev Russia. This event became a turning point in the history and culture of the Russian state, leading to count from 862. On the basis of the cultural analysis of historical sources becomes particularly evident initial period of the transition from paganism to Orthodoxy.

Keywords: Russian land, Byzantium, Vladimir the Baptist of Russia, a new type of Russian statehood

I

У больших событий особая судьба. Часто для потомков они значат больше, чем для современников. По оценке А. С. Пушкина, **новейшая история есть история христианства**¹. Применительно же к России – история православной веры, которая способствовала не только стремительному развитию грамотности и просвещения, но и создавала почву для расширения народного взаимодействия, народной солидарности, духовного единения.

На протяжении веков на территории, простирающейся от Черного моря до Ладоги, из разнородных племен складывалась народная общность, получившая название **Русь**. В «Повести временных лет» под 852 г. от Рождества Христова помечен **приход** Руси на Царьград (Константинополь) в правление византийского императора Михаила III (840–867). Тогда же в греческом летописании появилась **Русская земля**². В июне 860 г. русские ладьи, неожиданно появившиеся перед столицей Византии, **едва не взяли Царьград на копье**.

В 862 г., по преданию, Рюрик, Синеус и Трувор – три брата, предводители варяжских дружин, были якобы призваны на Русь. Рюрик стал княжить в Новгороде, Синеус – в Белоозере, Трувор – в Изборске. Существует мнение, что имена Синеуса и Трувора появились в результате ошибочного прочтения русским летописцем иноязычного текста. Был один Рюрик, пришедший в землю славян со своим домом (сине-хус) и верной дружиной (тру-вор)³, чтобы в качестве

военно-полицейской силы обеспечивать успешность внешней торговли.

В том же достопамятном году патриарх Фотий на Константинопольском соборе отлучил римского Папу Николая от церкви. В Византии – центре греко-славянского мира и наиболее цивилизованной стране того времени, началась эпоха независимой Македонской династии.

В начале X в. союз славянских племен был близок к распаду. Попытка восстановить его силой оружия стоило князю Игорю Рюриковичу (878–945) жизни. Его жена Ольга (890–969), ставшая правительницей при малолетнем сыне Святославе (?–972), установила **новый распорядок даней и повинностей**, получаемых от союзных племен. Был сделан новый шаг к феодальному государству, регламентированному законами. В 955 г. княгиня Ольга, самая знаменитая женщина в русской истории, по летописному свидетельству, **очень красива лицом и разумна**, пришла к Царьграду и услышала от византийского царя Константина, сына Льва: «Достойна ты царствовать с нами в столице нашей». Уразумев смысл этого обращения, Ольга ответила: «Я язычница. Если хочешь крестить меня, то крести меня сам, – иначе не крещусь». «И крестили ее царь с патриархом, – читаем мы в „Повести временных лет“ – Просветившись же, она радовалась душой и телом; и наставил ее патриарх в вере, и дал ей заповеди о церковном уставе, и о молитве, и о посте, и о милостыне, и о соблюдении чистоты телесной. Она же, наклонив голову, стояла, внимая учению, как губка напояемая»⁴.

Языческие верования наших предков мало

известны. Как и все арийцы, восточные славяне поклонялись силам видимой природы и пращуров почитали. Это было сродни мудрости, вещему духу, доброму смыслу жизни. Н. М. Карамзин, вслед за Нестором, говорит только об идолах и жертвенниках. «Нет сомнения, что на холме Киевском и на берегу Волхова, где стоял Перун, были храмы, конечно не огромные и не величественные, но сообразные с простою тогдашних нравов и с малым сведением людей в искусстве зодческом», – предполагал Н. М. Карамзин⁵.

Но языческое мирозерцание развития не получило, внутренней крепости не обрело и легко уступало посторонним религиозным влияниям. Славяне примешивали к своим поверьям суеверия дикой чуди, волхвов и кудесников. Можно представить, как влияла христианская вера на тех из них, которые могли ее познать: потому и **внимали они учению Христа, как губка напояемая**.

Вспомним, что впервые христианство появилось в Римской империи, тоже языческом государстве. Но язычество там было иным, нежели в средневековой Руси. Отец Александр Мень в дни Тысячелетия Крещения Руси замечал: «Язычество античного мира Римской империи гордилось Парфеноном Афин и огромными храмами и пирамидами Древнего Египта. Это язычество имело Гомера, Вергилия, Платона, Аристотеля, величественные статуи богов, великие поэмы, колоссальную многовековую, тысячелетнюю традицию, философию, легенды. Такое язычество довольно трудно было одолеть. В Древней Руси язычество было архаичным, соответствующим родовому строю, оно не имело ни высокоразвитой литературы, ни искусства, ни величественных храмов»⁶.

Вершиной культуры в X в., образцом первого ранга оказался не Запад, а Восток. Константинополь, или Царьград стал **вторым Римом**, столицей византийской цивилизации восточного православного христианства. Из отечественного летописания известно, как русские послы, придя в византийский собор Святой Софии, ощутили себя **на седьмом небе**. Когда они услышали мощный голос хора и когда увидели купол Софии константинопольской, словно парящий в воздухе и как бы поддерживающий сверкающий нимб света, когда они узрели мозаики и фрески, богатые облачения, – все вокруг произвело на них впечатление неземного рая. Древним киевлянам было чему дивиться: христианство Византии к тому времени выступало во всеоружии тысячелетней культуры.

Современная культурология утвердилась во мнении, что православие определяло единство и цельность державы ромеев. Священная

цель жизни византийца состояла в верности православию: это был свыше указанный путь к спасению личности, ее духовному совершенствованию. По воззрениям византийцев, император – наместник Бога на земле, его назначение – творить добро, поэтому он и называется **благодетель**. Царская святость не обеспечивалась царским престолом, а определялась требованиями праведности. Византиец был покорен власти не за страх, а за совесть; но не ради самой власти, а ради Господа, который будет судить эту власть наравне с ним самим⁷.

Торговые связи с Византией облегчали для Руси знакомство с Христовой верой. Но взаимную присягу при заключении сделок до поры до времени совершали по отдельности – византийский правитель целовал крест, а киевский князь клялся своим оружием и Волосом, богом богатства. В Киеве те, кто крещен, клялись в соборной церкви Ильи Пророка над ручьем, а некрещеные воины слагали свои щиты и обнаженные мечи, золото, обручи и иное оружие к подножию холма, на котором возвышался Перун.

Варяжские купцы и дружинники, раньше и чаще ходившие в Царьград, прежде славян стали там обращаться в христианство и приносили на Русь новое учение. Торжественно славить христианского Бога новообращенным не возбранялось по причине благоразумной терпимости. Кто хотел креститься, тому не запрещали, но подсмеивались над ним.

Святая равноапостольная княгиня Ольга долгие годы правила страной: сперва по малолетству сына, потом ввиду его постоянных военных отлучек. Ее личная приверженность Православию, однако, никак не сказалась на народе в целом. Даже на родном сыне. Она не раз говорила Святославу: «Я познала Бога, сын мой, и радуюсь. Послушай меня, прими веру истинную и крестись, и спасен будешь». Однако эти речи, как свидетельствует летописец, были подобны попыткам сеять на воде, – князь оставался холоден и непреклонен: «Как мне одному принять иную веру? Дружина моя станет насмехаться, мои бояре и прочие сановники вместо повиновения мне будут смеяться надо мной. И что мне будет самодержавство, если из-за чужого закона все меня оставят, и я буду никому не нужен?!». Ольга любила своего сына и в ответ говорила: «Да будет воля Божья; если захочет Бог помиловать род мой и землю Русскую, то вложит им в сердце то же желание обратиться к Богу, что даровал и мне»⁸.

Святослав Игоревич направил свою энергию против внешних врагов нарождавшегося государства, нейтрализовав их на востоке и на западе. В результате этих походов вершилось

объединение восточнославянских племен в единое государство. Русь контролировала торговые пути по Волге и Дону, обезопасила свои южные границы и заявила о себе как об одном из сильнейших государств Европы. Но неутомимый князь не думал о мире, он двинул свою дружину в окрестные земли.

Соображения политической выгоды соблазнили Святослава сменить веру, но из-за боязни потерять основы государственной независимости князь оставался язычником. Более того, он принял все меры для искоренения на Руси даже слабых ростков христианства. Успешным стал и его поход против Византии. Возвращаясь обратно, Святослав погиб в сражении с печенегами, которых византийцы предупредили о маршруте его дружины.

II

Со смертью Святослава военно-языческая партия в Киеве ослабла. Междоусобная борьба наследников престола привела к власти в 980 г. Владимира, внебрачного сына великого князя от уроженки города Любеч по имени Малуша, ключницы княгини Ольги. Наследник в обычаях язычников законный, так как многоженство у восточных славян не возбранялось, социальное происхождение определялось по отцу, династические права не ущемлялись, о чем свидетельствует и четко выраженное княжеское имя.

Мать Владимира, **вещая дева** Малуша – дочь Малка Любечанина, которого историки отождествляют с Малом, князем древлянским. Приводя к покорности восставших древлян и овладев их городами, княгиня Ольга повелела казнить Мала, за которого пытались ее сосватать после убийства Игоря, а княжеских детей, Добрыню и Малушу, увезла с собой. Добрыня вырос храбрым умелым воином, былинным героем. Обладая государственным умом, стал впоследствии хорошим помощником своему племяннику Владимиру в делах военного и государственного управления.

Малуша была крещена в Царьграде вместе с великой княгиней Ольгой, но сохранила в себе таинственность языческих древлянских лесов. Тем и полюбилась она суровому воину Святославу, который, против воли матери, сделал ее своей женой. Разгневанная Ольга отправила свою ключницу на родину – в Псковскую землю. Здесь и родился, около 960 г., мальчик, названный русским языческим именем **Володимир**, т. е. **владеющий миром, владеющий особым даром мира**. Не без борьбы и грехопадений, этот юноша станет князем Киевским Владимиром Красное Солнышко (ок. 960–1015) и первым

Крестителем Руси. Крещение Руси станет первой и, пожалуй, единственной в истории успешной государственной реформой в России.

Владимир направил славян-язычников на путь истинной веры. В его честь на псковской земле названы **Владимирцем** пригород и крепость, построенная на **Володчиной** горе, откуда мальчишескому взору открывались неоглядные озерные и лесные дали божественной красоты. Прекрасен мир, похожий на чудо, сотворенный самым великим на земле художником, точно знающим, **что есть красота и почему ее обожествляют люди**⁹.

Мальчик становился частью созвучия в этом гимне красоты и силы духа, желание познать истину возгоралось в его душе. Владимир с детства запомнил христианские нравы и советы блаженной бабки своей Ольги и вместе с христианами плакал над ее могилой.

Сегодня в этом уединенном уголке Псковщины, в ста километрах от губернского центра, обустраивается Свято-Введенский женский монастырь. Сказочная тишина и благостный покой богозданной красоты помогают отправлять светлые молитвы Тому единственному, Кто и есть Любовь¹⁰.

Осознание необходимости для средневековой Руси стать страной христианской, чтобы сделаться страной вполне европейской, пришло к Владимиру позже.

Обосновавшись в Киеве, молодой князь прежде всего постарался духовно объединить славянские племена с помощью общей для всех религии. Стремление вырваться из-под угнетающего воздействия одиночества среди редконаселенных лесов, болот и степей, страх покинутости, боязнь грозных явлений природы, – все это заставляло людей искать объединения. В отличие от предшественников, Владимир не смотрел на Россию как на постой, от которого надо двигаться дальше, используя славян как дешевую военную рать. Походы для него не были самоцелью: они обуславливались нуждами государства. Необходимость глубоких государственных реформ осознавалась им как основа спокойной и уверенной жизни подданных.

Проблему объединения союзных племен Владимир попытался решить поначалу путем уравнивания в правах всех основных племенных богов. Так в Киеве возник пантеон шести языческих богов, имевший общеславянский, объединяющий характер. Но эта дорога, уместная для патриархального строя, не меняла обычаи, право, общественное сознание и вела в тупик. К примеру, обязательным элементом языческого культа многих населявших Европу племен были человеческие жертвоприношения, совершае-

мые по разным поводам. Общество в целом переросло первобытные религиозные представления. И Владимир перестал их разделять.

В «Повести временных лет» запечатлен трагический эпизод, относящийся к 983 г., к началу княжения Владимира. Тогда после победного похода было решено принести жертву кумирам. Старцы бояре сказали: «Кинем жребий на отроков и девиц; на кого падет, того принесем в жертву богам». И тогда в языческом Киеве появились первые и последние христианские мученики. Это варяжский юноша, которому по жребию надлежало погибнуть в удовольствие мнимых богов, и его отец, пришедший из Греции и возмущившийся ужасным суевением и безумием кланяться тленному дереву вместо живого Бога, истинного Творца неба, земли и человека.

Об участии князя в этом событии летопись не говорит ни слова, предоставляя диалог посланцев народа и варяга-отца.

Посланцы народа:

«Пал жребий на твоего сына, богам угодно взять его к себе, и мы хотим принести его им в жертву».

Варяг-христианин:

«У вас не боги, а дерево; нынче есть, а завтра сгниет; не едят, не пьют, не говорят, но сделаны руками человеческими из дерева; а Бог один, которому служат греки и кланяются, который сотворил небо и землю, звезды и луну, и солнце, и человека, дал ему жить на земле; а эти боги что сделали? Сами деланные; не дам сына своего бесам!».

Посланцы народа:

«Отдай сына своего богам!».

Отец:

«Ежели идолы ваши действительно боги, то пусть они сами извлекут его из моих объятий, а вы о чем хлопочете?»¹¹.

Торжественное хуление языческой веры произвело всеобщий мятеж в городе. Народ вооружился, разметал двор варяжского христианина и, в исступлении ярости, умертвил отца и сына. Князь Владимир этой расправы не забыл, и после святого Крещения на месте гибели мучеников за веру Христову воздвиг Богородичный храм, знаменитую Десятинную церковь, во исполнение заповеди Божией давать Господу десятину от своих имений. Церковь чтит этих мучеников святыми под именем Феодора и Иоанна.

Расправа сильно впечатлила прежде всего киевского князя и послужила началом переворота в нравственной жизни Киевской Руси. Ярость прошла, а страшные слова остались: **ваши боги – дерево; бог – один, которому**

кланяются греки, который сотворил все. Религия, удовлетворявшая рассеянным, в общину живущим племенам, не могла более соответствовать требованиям новорожденного общества Киевской Руси. Прежняя вера была окончательно поколеблена. И не только на Руси. В тогдашней Европе в купель крещения из тьмы язычества смиренно погружались верховные правители многих стран, чтобы **выйти в люди самим и вывести в люди** свои народы.

Русский историк Лев Гумилев, автор пассионарной теории этногенеза, так оценивает киевского князя: «Историческая память связывает образ Владимира не с его личными качествами и политическими успехами, а с деянием более существенным – выбором веры, одухотворившей жизнь народа. В самом деле, распространив свою власть практически на все славяно-русские земли, Владимир неизбежно должен был придерживаться какой-то, как сказали бы сегодня, „общенациональной“ политической программы, которая, по условиям того времени, выражалась в религиозной форме»¹².

Его собеседник А. М. Панченко добавляет: «Реформа Владимира – не просто приращение знания, это принципиальная переоценка человека. Раньше он ощущал себя игрушкой судьбы, каких-то неведомых сил, „страшилищ“, говоря по-старинному – теперь он овладел историей»¹³.

Не станем забывать, что уже многие годы в древнерусских городах существовали весьма малочисленные, но окутанные дымкой радости и оптимизма, христианские общины. Они появились во времена княжения Ольги, бабки Владимира.

При выборе веры программу молодого князя – Владимиру в 988 г. было 25 лет – поддерживали старцы из числа его бояр: в их памяти еще были свежи минувшие времена блаженной Ольги. Они сказали князю: «Если бы не хороший был закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, мудрейшая из людей»¹⁴.

Упоминание заветного имени решило выбор любимого ее внука, о котором столько молилась Ольга. В новгородской церкви Спаса на Нередице есть изображение Ольги с ее внуком Владимиром Святым, Крестителем Руси.

Но киевским купцам и воинам было известно, что Папа Иоанн XIII (965–972) запретил в 967 г. богослужение на **русском или славянском языке**¹⁵.

Владимир не хотел более никого испытывать о вере и только спросил бояр своих: «Где креститься?». Старцы кратко отвечали: «Там, где тебе любо»¹⁶.

Русский ученый, историк и богослов Антон Владимирович Карташев писал в 1938 г.

в связи с 950-летием Крещения Руси: «Грешный и буйный язычник Владимир был натурой богоизбранной. Его обращение ко Христу было подлинное, интимное, глубокое. Преображение его характера и разрыв с грехом были изумительны. Но наряду с его личным обращением у князя Владимира на видном месте стояли и мотивы государя, вождя своего народа. <...> Ему нужна была красота церковная и светская – не только вещи и сокровища, доступные и грабежу варваров, но и учителя, и художники для создания собственных знатоков и творцов наук и искусств, каких Владимир видел уже в славянской Болгарии»¹⁷.

Можно было ориентироваться на другие мировые религии – на мусульманский Восток или хазарский каганат, но предпочтение было отдано православному Византии, с которой уже сложились достаточно тесные экономические отношения и культурные связи. Родственная Руси Болгария приняла христианство за столетие до Киевской Руси. Просветители Кирилл и Мефодий создали славянскую письменность и проповедовали новую веру на языке, понятном народу. На Западе языком богослужения и языком культуры долгие века была исключительно латынь, обеспечивавшая наднациональное единство клира. Родной язык употреблялся лишь для исповеди и проповеди.

«Владимир Святой после долгих размышлений и борьбы конкурирующих влияний, – продолжает церковный и общественный деятель А. В. Карташев, – сознательно избрал византийскую крещальную купель и в нее решительно привел и весь русский народ. Это был момент определяющий, провиденциальный для всей нашей истории. Князь Красное Солнышко, таким образом, сформировал коллективную историческую душу народа и стал истинным отцом – родителем нашей культуры, ибо без православного корня нет русской культуры»¹⁸.

III

Обращение к Владимиру за военной помощью со стороны византийских царей Василия II и Романа в 987 г. ускорило повод к личному крещению князя. Свою военную помощь византийским царям, которая блестяще удалась, и трон царей был спасен, русский князь обусловил выдчей за него замуж византийской принцессы Анны, чтобы Русь породнилась с Царьградом.

Но обещание не выполнялось, и Владимиру пришлось добиваться руки царьградской принцессы военной силой. Он осадил и взял Корсунь (Херсонес) в Крыму, один из крупных центров

восточного христианства, недалеко от теперешнего Севастополя.

Лев Толстой во время осады Севастополя в 1853 г. записал в дневнике: «Взятие Корсуни Владимиром – эпопея. Владимир мог обратиться свой народ в принятую им веру потому только, что он стоял на одной степени образования с ним, хотя и выше его в общественном значении. Народ верил ему. Ни один владелец образованного государства не в состоянии сделать того же»¹⁹.

Другой Толстой, Алексей Константинович, обладавший отменным чувством юмора, так оценил осажденных византийцев:

Увидели греки в заливе суда,
У стен уж дружина толпится,
Пошли толковать и туда и сюда:
«Настала, как есть, христианам беда,
Приехал Владимир креститься»²⁰.

Сохраняя интонацию А. К. Толстого, можно иронически сказать, что древнерусское войско, разбив византийцев, заставило их окрестить себя.

Ожидавший в Корсуни прибытия невесты, Владимир внезапно заболел глазной болезнью, завершившейся полной слепотой. Прибывшая Анна в который раз потребовала его крещения, без чего не могло быть и речи о браке. Князь согласился, и в момент совершения таинства в купели прозрел. Телесное излечение сопровождалось и благодатной душевной переменой, плоды которой не замедлили сказаться. «Теперь увидел я Бога истинного», – воскликнул после святого крещения Владимир, получивший христианское имя Василий, т. е. **Царственный**. Обвенчавшись с царевной Анной, в качестве выкупа за невесту Владимир возвратил грекам Корсунь.

Крещение проходит действительно по сценарию Владимира, о чем написал в поэме-думе «Владимир Святый» поэт-декабрист Кондратий Рылеев:

На новый подвиг с новым жаром
Летят дружинами с вождем богатыри,
Зарделись небеса пожаром;
Трепещет Греция и гордые цари!
Так в князе огонь души надменной,
Остаток мрачного язычества горел:
С рукой царевны несравненной
Он веру самую завоевать летел²¹.

Крещенная с князем дружина спешит из Корсуни домой, в древний, прекрасный Киев:
по родине им востоквалось.

Крещение Руси: к 1025-летию принятия восточного христианства на Руси

И молвил Владимир:
«Спускайте ж ладьи, бо и ночью и днем
Я гласу немолчному внемлю:
Велит он в краю нам не мешкать чужом,
Да свет, озаряющий нас, мы внесем
Торжественно в русскую землю!».
И пал на дружину Владимира взор:
«Вам, други, доселе со мною
Стяжали победы лишь меч да топор,
Но время настало, и мы с этих пор
Сильны еще силой иною».
И на берег вышел, душой возрожден,
Владимир для новой державы,
И в Русь милосердия внес он закон –
– Дела стародавних, далеких времен,
Преданья невянущей славы²²

Князь Владимир возвратился в Киев совсем не таким, каким он покинул город, отправляясь в поход. Изменилась его нравственная жизнь. Он распустил свои гаремы. Рогнеде, своей первой жене, послал сказать: «Я теперь христианин и должен иметь одну жену; ты же, если хочешь, выбери себе мужа между боярами».

Ответ Рогнеды замечателен: «Я природная княжна, – велит она передать Владимиру. – Ужели тебе одному дорого Царствие Небесное? И я хочу быть невестой Христовою»²³.

С именем Анастасии княжна постриглась и кончила свои дни смиренной монахиней в одной из обителей. Крещение Владимира отозвалось благодатной переменой и среди людей, его окружавших.

Митрополит Иоанн (Снычев) в 1988 г., в дни Тысячелетия Крещения Руси писал: «Изучая эпоху святого равноапостольного князя Владимира, можно спорить о тех или иных подробностях, по-разному описываемых древними историками и летописцами, можно настаивать на той или иной последовательности событий, предшествовавших крещению князя. Можно предлагать свое прочтение причин, приведших святого Владимира к воцерковлению. Но одно для непредвзятого взгляда остается несомненным – в условиях, крайне неблагоприятных для Церкви, в среде народа дикого и нерасположенного к обращению, в стране, враждебной православной Византийской империи, произошло событие, не объяснимое естественным ходом вещей, – Крещение Руси»²⁴.

Наступило незабываемое и единственное в русской истории утро крещения киевлян в водах Днепра. Накануне Владимир объявил по городу: «Если кто не придет завтра на реку – богатый или бедный, нищий или раб – будет мне врагом»²⁵.

Священное желание великого князя было

исполнено беспрекословно. По свидетельству летописца, «в одно время вся земля наша восславил Христа со Отцом и Святым Духом»²⁶.

Вопреки всему Русь не разрушилась и не потонула в пучине усобиц. Православие распространялось невероятно быстро. Уже при жизни святого Владимира в Киеве были возведены сотни церквей. На севере – в Новгороде, Ростове, Муроме – язычество держалось дольше и крепче, но и там, после исторически непродолжительного периода двоеверия, Православие безоговорочно восторжествовало. Сопротивлением языческой Руси христианству, помимо местничества, двигали материальные интересы немногочисленных жрецов: они боялись потерять свое привилегированное положение в новой системе ценностей. Народ же легко входил в новую веру, не видя в ней ничего, претящего его совести.

Великий князь весной 988 г. отправляется с супругой через Крым, Тамань, Азовские земли, входившие в состав его обширных владений. Впереди великокняжеского поезда с частыми молебнами и несмолкающими священными песнопениями несли кресты, иконы, святые мощи. Казалось, сама Святая Вселенская Церковь двинулась в просторы Русской земли. Обновленная в купели Крещения Святая Русь открывалась навстречу будущему.

Православные храмы вырастали на возвышенных местах, у излучин рек, на старинном пути **из варяг в греки и сарацины** – словно путеводные знаки, светочи народной святости. Прославляя храмоздательные труды равноапостольного Владимира, автор «Слова о законе и благодати», святитель Иларион, первый митрополит Киевский из русских, восклицал: «Капища разрушаются и церкви поставляются, идолы сокрушаются и иконы святых являютя, бесы убегают, Крест грады освящают»²⁷.

В конце X в. в купель святого крещения вошли племена полян, древлян, кривичей, вятичей, радимичей и иных славян. Вышли из купели новым русским народом.

IV

Современный английский историк Норман Девис, автор обширной монографии «История Европы», высказываясь о князе Владимире, старается быть объективным: «Владимира Киевского часто сравнивают с Карлом Великим, считая и его создателем громадного, но недолговечного царства. Эта параллель тем более уместна, что оба стали героями позднейших национальных легенд. В то время как Карл Великий стал национальным героем рыцарского эпоса, князь

Владимир стал центральной фигурой средневековых русских былин, в которых действуют Алеша Попович, Добрыня Никитич и отважный крестьянин Илья Муромец – боевые товарищи князя Красное Солнышко. Никто бы не посмелся больше над этим эпитетом, чем сам сомнительный святой»²⁸.

С последней фразой согласиться никак нельзя. Владимир Красное Солнышко правил Русским государством 37 лет, с 978 по 1015 г. Из них 28 лет прожил в святом крещении. Его действенным оружием была мирная христианская проповедь среди степных язычников.

В 1988 г., в дни празднования 1000-летия крещения Руси, в Неделю Всех святых, в земле Российской просиявших, Слово о Владимире произнес архимандрит Иоанн (Крестьянкин), старейший насельник Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря:

Мы видим, что лишь в X в. вдруг, как всплеск, является миру – опять первый – равноапостольный князь Владимир.

Теперь мы говорим, что он святой, и теперь на Киевских горах стоит памятник ему. С крестом в руках взирает он на Русь и на плоды своих трудов. Теперь он святой! Но тогда, 1000 лет назад, князь-язычник, достигший в жизни предела всех земных наслаждений, безудержный и грубый во всем, сын ада, если мерить христианскими понятиями. Словно он один вобрал в себя все прошлое Руси. Его восхождение к вершинам власти связано с убийством родного брата. Как бы мог он сам перевоплотиться в нового человека?

Но достиг его Христос. И он не стал советовать со своей разнузданной плотью, но повернулся ко Христу и отдал Ему сердце, и всех своих позвал за собой. Жестко и решительно слово князя: «Кто не придет креститься, тот не друг мне». И пошли верные за своим князем, поверив его избранию, поняв разницу между Перуном-богом, требовавшим кровавых жертв, и Христом – Богом любви ко всем людям.

Разумеется, человеческая природа сразу не могла измениться. Люди оставались людьми со всеми присущими им достоинствами и недостатками, но заповеди Божии уже звучали в них и связывали грех, еще живущий в сердцах, и вели к нравственному возрождению.

Русь приняла путь Креста, путь разрыва со всем дурным, со всем тем, что приковывает к земле. А живой пример князя Владимира, в котором все увидели чудо преображения великого грешника в праведника, призвал к жизни целый великий народ. И святой князь Владимир, прославленный этим чудом, стоит у истоков христианской Руси²⁹.

Празднование святому равноапостольному Владимиру было установлено Александром Невским после того, как 15 мая 1240 г., помощью и заступничеством святого Владимира, была одержана знаменитая Невская победа над шведскими крестоносцами. Но церковное почитание святого князя началось на Руси значительно ранее. Митрополит Иларион в «Слове о законе и благодати», сказанном в 1051 г., в день памяти святого Владимира у раки его в Десятинном храме, назвал князя «**во владыках апостолом**», «**подобником**» святого Константина и сравнил его апостольское благовестие Русской Земле с благовестием святых апостолов. Фактически «Слово о законе и благодати» было острым идейным оружием в борьбе за независимость Киевской Руси. Это не осталось незамеченным в Константинополе, и в канонизации Владимира тогда было отказано.

Процесс христианизации, сопряженный с кардинальными преобразованиями древнерусского общества, распространением знаний и грамотности, протекал постепенно и, по современным оценкам, занял приблизительно 100 лет. С учетом размеров страны и ее разноплеменности это срок незначительный: крестившимся почти одновременно с Русью Швеции и Норвегии потребовалось на это соответственно 250 и 150 лет. Там, где священники не следуют в обозе чужеземных завоевателей, где их ведет своя национальная верхушка общества, христианизация проходит достаточно спокойно.

За время жизни двух поколений из конгломерата варварских племен на глазах изумленной Европы возникло древнерусское государство как передовая и мощная держава, ни в чем не уступающая другим. Исчезло старое деление по племенным признакам, выростала единая древнерусская народность, из которой позже сформировались русские, украинцы, белорусы.

Древняя Русь, обладавшая в языческие времена по-своему совершенной культурой, постепенно становится государством новых, высоких духовных свершений, усваивая от Византии массу знаний – от сочинений Аристотеля до способов кладки каменного свода, – которые уже тогда стали достоянием мировой культуры. Русь устанавливает дипломатические связи с христианской Европой. Владимир-Креститель создал новый тип русской государственности – христианский, неприменным идеалом которой стало распространение мира на земле, славы Божией, но не человеческой: «**не нам, не нам, но имени Твоему**», умирение страстей, вражды и «**ненавистной розни мира сего**», противостоя-

ние греху и пороку. Такие духовные смыслы исповедуют до сего дня лучшие русские люди.

Во второй половине X в., в уединении **пустынь** и молчаливых келий внезапно возникла и русская литература, одна из самых древних литератур Европы. Чувство значительности происходящего усиливалось великой и трагичной жизнью Христа. Но на поприще культурного творчества, талантов и групп под стягом святого Владимира всегда шло удивительно свободное состязание православных, инаковерующих и неверующих.

Русский философ и критик XIX в. И. В. Киреевский, размышляя о характере российского просвещения, замечал: «Обширная Русская земля даже во времена разделения своего на мелкие княжества всегда сознавала себя как одно живое тело и не столько в единстве языка находила свое притягательное средоточие, сколько в творческом единстве людей разных вер, связанных между собою сочувственными нитями духовного общения. Некоторые из удельных князей XII и XIII вв. уже имели такие библиотеки, с которыми многочисленностью томов едва могла равняться первая тогда на Западе библиотека парижская»³⁰.

Еще одна особенность: русская государственная власть с самого начала фактически взяла на себя социальные функции, чего не знала Европа времени Владимира: там эти обязанности были переданы Церкви. Во внутреннем управлении государством князь впервые признал значение закона писанного: появляются княжеские уставы.

Любопытную оценку начального периода православия на Руси высказал в 1987 г. академик-ракетчик Б. В. Раушенбах, один из основоположников российской космонавтики: «Но, может быть, наиболее наглядно международный авторитет Киевской Руси просматривается в династических браках. Если Владимир добыл себе достойную жену силой оружия, то в период княжения Ярослава наблюдается совершенно иная картина. Сам он женат на дочери короля Швеции, его сестра – королева Польши, три дочери – соответственно королевы Венгрии, Норвегии и Франции, сын женат на сестре короля Польши, внук – на дочери короля Англии, внучка – жена германского короля и императора Священной Римской империи Генриха IV. Это ли не признак международного авторитета древнерусского государства? Вот как Владимир „вспахал“, а Ярослав „засеял!“»³¹.

Время княжения Владимира Красное Солнышко и его пылкое стремление властным самодержавным толчком ввести свою Русь в

семью культурных наций стало эпохой в русской истории. Высказывая свое понимание роли православия для русской культуры, А. С. Пушкин писал: «Греческое исповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особый национальный характер: мы, русские, словно восходим к истокам своих родных ключей. У греков мы взяли евангелие и предание, но не дух ребяческой мелочности и словопрений. Нравы Византии никогда не были нравами Киева. Что же касается нашей исторической ничтожности, – замечал Пушкин в полемическом письме к Чаадаеву, одновременно как бы предвосхищая недавнее замечание Нормана Девиса о недолговечности деяний Владимира Красное Солнышко, – то я решительно не могу согласиться с Вами. Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал»³².

Примечания

¹ Грюнберг П. Н. Пушкин и познание истории // Pravmisl. ru: сайт. URL: <http://pravmisl.ru> (дата обращения: 20. 09. 2013).

² Повести Древней Руси: XI–XII вв. / сост. Н. В. Поньрко. Л.: Лениздат, 1983. С. 131.

³ Памятники литературы Древней Руси: конец XV – первая половина XVI в. / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М.: Худож. лит., 1984. С. 729.

⁴ Повести Древней Руси. С. 145–146.

⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. / под ред. А. Н. Сахарова. М.: Наука, 1989. Т. 1. С. 84–85.

⁶ Мень А. Сущность христианства: лекция, 11 апр. 1989 г., ДК им. Горького // Мень А. Радостная весть: сб. лекций. М.: Вита-Центр, 1992. URL: <http://alexandrmn.ru> (дата обращения: 20. 09. 2013).

⁷ Скотникова Г. В. Византийская культурная традиция в русском самосознании: автореф. дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2003. С. 17.

⁸ Повести Древней Руси. С. 147.

⁹ Заболоцкий Н. А. Столбцы и поэмы. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 254.

¹⁰ Псков. правда. 2008. 16 июля. URL: <http://pravdapskov.ru> (дата обращения: 20. 09. 2013).

¹¹ Повести Древней Руси. С. 157–158.

¹² Гумилев Л. Н. От Руси до России: очерки этн. истории. СПб.: Юна, 1992. С. 55.

¹³ Гумилев Л., Панченко А. Чтобы свеча не погасла: диалог. Л.: Совет. писатель, 1990. С. 63.

¹⁴ Повести Древней Руси. С. 162.

¹⁵ Гумилев Л., Панченко А. Указ. соч. С. 52.

¹⁶ Повести Древней Руси. С. 162.

¹⁷ Карташев А. В. Св. Великий Князь Владимир – отец русской культуры: 950-летие Крещения Руси, 988–1938. С. 9–10 // Электронная библиотека Одинцовского благо-

А. Ю. Помпеев

чиния Московской епархии: сайт. URL: <http://odinblago.ru> (дата обращения: 20.09.2013).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 21: Дневники, 1847–1894. С. 104.

²⁰ Толстой А. К. Сочинения: в 2 т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 1: Стихотворения. С. 164.

²¹ Рылеев К. Думы. Дополнения: Думы, не вошедшие в отдельное издание. 1. Владимир Святой // Собрание классики «Библиотеки Мошкова» (Lib.ru / Классика): электрон. б-ка. URL: <http://az.lib.ru> (дата обращения: 20.09.2013).

²² Там же.

²³ Бестужев-Рюмин К. Н. О крещении Руси, о Владимире Святом, о сыновьях его и монастыре Печерском. СПб., 1888. С. 18.

²⁴ Иоанн, митр. (Снычев И. М.). О князе Владимире и его эпохе // Иоанн, митр. (Снычев И. М.). Самодержавие духа: очерки рус. самосознания / отв. ред. О. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2007. С. 42–43.

²⁵ Повести Древней Руси. С. 164.

²⁶ Там же. С. 165.

²⁷ Иларион. Слово о Законе и Благодати // Красносельские Древней Руси: XI–XVII вв. М.: Совет. Россия, 1987. С. 53.

²⁸ Дэвис Н. История Европы / пер. с англ. Т. Б. Менской. М.: Аст, 2006. С. 239.

²⁹ Крестьянкин И., архим. Слово на 1000-летие Крещения Руси // Московская епархия Русской православной церкви: сайт. М., 2001–2013. URL: <http://meta.ru> (дата обращения: 20.09.2013).

³⁰ Киреевский И. В. Россия и запад: о характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России: письмо к графу Е. Е. Комаровскому // Киреевский И. В. Критика и эстетика / сост., вступ. ст. и примеч. Ю. В. Манна. М.: Искусство, 1979. С. 275. (Серия «История эстетики в памятниках и документах»).

³¹ Раушенбах Б. В. Пристрастие. Гл. Тысячелетие Крещения Руси. М.: Аграф, 1997 // Православная беседа: сайт. URL: <http://pravbeseda.ru> (дата обращения: 20.09.2013).

³² Чаадаев П. Я. Статьи и письма / вступ. ст. и коммент. Б. Н. Тарасова. М.: Современник, 1987. С. 26–27.